

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-326-357>
<https://elibrary.ru/HRJOWA>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

О «теоретичности» и «оригинальности». Евгений Чириков и журнал «Русское богатство»

© 2025, А.В. Геворкян, М. В. Строганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: К литературным фактам относятся не только литературные тексты писателя, но и его бытовое поведение. Это очень наглядно проявляется при изучении отношений Е.Н. Чирикова и журнала «Русское богатство», в котором он начинал свою литературную деятельность. В период писательского ученичества Чириков с большим почтением просил В.Г. Короленко поделиться своими представлениями о соотношении «теоретичности» и «оригинальности» в литературном труде, а в 1894–1896 гг. постоянно печатался в журнале. После перехода Чирикова в «марксистские» издания критики «Русского богатства» (А.И. Потапов, Н.К. Михайловский, А.Г. Горнфельд, А.М. Редько и др.) постоянно подчеркивали «теоретичность» его сочинений в ущерб их «оригинальности». Общественно-бытовое поведение Чирикова было основано на самолюбии, что проявилось в конфликте с «Русском богатством» в связи с его задолженностью журналу и в пресловутом «чириковском инциденте» по поводу еврейского вопроса: игра самолюбия мешала ему занять уравновешенную позицию. Стремление к саморекламе было свойственно вообще всему литературному кругу М. Горького в 1903–1909 гг., что отразилось в публикации групповых фотографий участников кружка «Среды» и в карикатурах на них. Однако участвуя в общественно-политических акциях 1911 г. в связи с 50-летием отмены крепостного права (ответ на анкету в «Синем журнале», № 9; речь на банкете 19 февраля 1911 г.), Чириков проявил скорее «оригинальность», в то время как оценка этого участия авторами «Русского богатства» (В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов) страдала «теоретичностью», которую Чириков очень остро критиковал в своих частных письмах. Таким образом, «теоретичность» и «оригинальность» — это не заданные, а переменные свойства литератора.

Ключевые слова: Е.Н. Чириков, «Русское богатство», национализм, еврейский вопрос.

Информация об авторах: Армен Варужанович Геворкян — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2658-4580>

E-mail: armenvar@mail.ru

Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

E-mail: mvstroganov@gmail.com

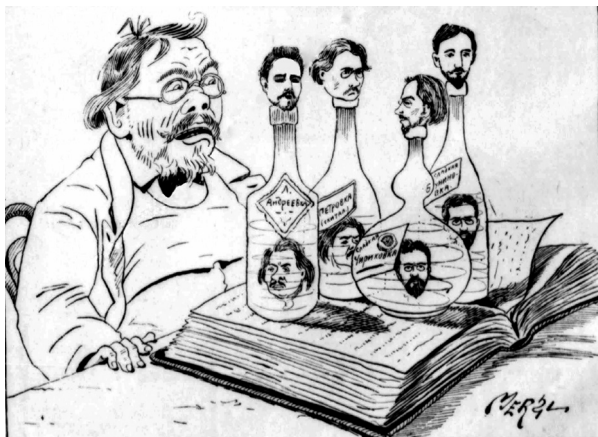
Для цитирования: Геворкян А.В., Строганов М.В. О «теоретичности» и «оригинальности». Евгений Чириков и журнал «Русское богатство» // Литературный факт. 20253. № 2 (36). С. 326–357. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-326-357>

В современных исследованиях, посвященных Е.Н. Чирикову, прочно установилось следующее мнение:

...перед нами крупный художник, мыслящий исторически, но умеющий видеть и неповторимые подробности жизни России на рубеже XIX–XX веков. Социальная проблематика удачно «вписана» Чириковым в контекст нравственных размышлений о судьбах страны, глубоко укорененной в народно-религиозных основах [7, с. 4].

Но куда денешь карикатуру на титульном листе «еженедельного иллюстрированного журнала литературы, политики и общественной жизни» «Наше время»: «современный читатель» сидит перед раскрытой книгой, на развороте которой стоят четыре бутылки разных форм (псевдоним Mersu, автор не установлен). Две из них наполнены настойками на манер Горького, чья голова изображена на нижней части бутылок, а на этикетках написано «Л. Андреевка» и «Петровка (Скитал<ец>)», и пробки на этих бутылках сделаны в виде голов Андреева и Скитальца. В других двух бутылках напитки настояны на манер Чехова, чье лицо изображено на нижней части бутылок, а этикетки гласят «Сладкая Чириковка» и «Сладкая Буниновка», соответственно и пробки сделаны в виде голов Чирикова и Бунина. Обчитавшийся «современный читатель» говорит: «Уж как мне надоели эти горькие да сладкие настойки!.. На вид “крепко”, а распробуешь — “одна вода!..”»¹ (Илл. 1) Можно, конечно, списать эту карикатурную оценку на непонимание читателя, но это несомненно упростит ситуацию. В двух предлагаемых заметках мы публикуем материалы, которые позволят восстановить эту ситуацию в ее исторической сложности.

¹ Mersu. Современный читатель // Наше время: Еженедельный иллюстрированный журнал литературы, политики и общественной жизни. 1903. № 5, 30 января. С. 33. Бесплатное приложение к «Петербургской газете».

Илл. 1.
Наше время.
1903. № 5,
30 января.

1

Е.Н. Чириков прошел достаточно обычный путь для писателя своего поколения. Во время учебы в Казанском университете он испытал влияние народников и социал-демократов. За участие в студенческих беспорядках в 1887 г. исключен из университета (вместе с В.И. Ульяновым) и выслан в Нижний Новгород. С 1885 г. сотрудничал в газете «Волжский вестник»², которая издавалась в Казани, по возвращении из ссылки был секретарем газеты; дважды арестован, состоял под надзором полиции в 1887–1902 гг.

Жизнь в Нижнем Новгороде и сотрудничество в «Волжском вестнике» предопределили знакомство Чирикова с В.Г. Короленко, который руководил его первыми литературными шагами. В связи с рассказом Чирикова, который в печати неизвестен, но, судя по надписи на первом письме Короленко, он назывался «“Тайна” помойной ямы», между ними шла переписка, имеющая большое значение для понимания всех последующих отношений.

В начале 1889 г. Чириков предложил Короленко для журнала «Северный вестник» свой рассказ, и 15 марта Короленко отвечал:

Многоуважаемый Евгений Николаевич

Так как с декабря м<еся>ца я уже не состою членом редакции «Сев<ерного> в<естни>ка», то участь рассказа от меня совершенно не зависит. Посылаю его в редакцию с просьбой возможно скорее

² Литературный сборник «Волжского вестника». Казань: [Изд. редакции «Волжского вестника»], 1885. Т. 1, вып. 2: 1884–1885. [6], 256, [3] с.

Вам ответить. «Возможно скорее» это все-таки будет не очень скоро, так как, кажется, всю беллетристику просматривает один Плещеев.

Вы, мне кажется, сделали ошибку, выбрав Петербург, которого вы, вероятно, не видели. Описывая картины столицы, Вы, очевидно, представляли себе какую-нибудь слободку губ<ернского> города и притом именно города вост<очной> России. Это отразилось и на <нрзб.>, и на языке. «<нрзб.> казав, <нрзб.>» — такие выражения Вы не услышите ни в П<етер>бурге, ни в Москве, или же в ср<едней> России. Кирпичный чай — совершенная диковинка в петербургском быту. По сюжету <?> вижу, что Вам нужна была столица, но <из>-за этого описания вышли неточными <?>, «местный колорит» извращен.

На случай, если бы Вы пожелали сделать в рукописи некоторые исправления — я задержу ее до получения Вашего ответа.

Влад. Короленко³.

Но Короленко всё же передал рукопись в какой-то журнал, потому что из его письма от 29 марта следует, что текст был принят, но потребовались некоторые доработки. Сообщая о них, Короленко указывал и на другие недостатки рассказа:

Рассказ для исправлений высылаю. К тому, что писал ранее, могу присоединить еще следующие указания: в Петербурге вовсе нет конных полицейских, да и вообще, кажется, вам придется отказать от столицы как места действия рассказа, потому что самый герой рассказа — субъект вовсе не столичный. Мелкий ремесленник, не работник на хозяина и не держащий работников, берущий заказы и сам разносящий их по давальцам, — в столицах или совсем искоренен фабриками и крупными мастерскими, или же сильно «искажен» и обладает специфическими чертами. Без «местного колорита» тут обойтись нельзя. У вас же — масса всевозможных мелочей — все тяготеет к небольшому городу (семь рублей в две недели при большой семье — это в Петербурге не «некоторое довольство», а голодная смерть).

Кроме этих мелочей — есть еще один недостаток, имеющий к ним близкое отношение и о котором, помнится, я уже вам писал: это некоторая *теоретичность*, отвлеченность, т<ак> сказать, всего рассказа и, пожалуй, вследствие этого отсутствие оригинальности [3, с. 486].

³ РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 17. Ед. хр. 10. Л. 102. См. начало письма: [9, с. 627].

Поскольку публикация рассказа «“Тайна” помойной ямы» неизвестна (как можно понять по приводимому ниже письму Короленко 6 мая 1889 г., в нем шла речь о том, что в помойную яму на окраине города выбрасывали незаконнорожденных младенцев), следует полагать, что Чириков не стал дорабатывать его. Он отвечал Короленко (письмо без даты):

Признаюсь, что рассказ — теоретичен. Писал я его с преднамеренным умыслом и при этом так увлекся своей целью, что попал впросак, который вы мне указали. Собственно говоря, описывая большой город, где происходит действие, я настолько отрешился от действительности, что не имел в виду вовсе какого-нибудь определенного города. Потому-то и вышла такая ерунда... Теперь я возьму местом действия город — мне известный. <...>

Если будет у вас свободная минутка, — черкните мне вот о чем... Я не понимаю, в каком соотношении стоят между собою теоретичность и неоригинальность. Вы это связываете, — одно является следствием другого... Так ли это понять: что самая фабула шаблонна, развитие ее, обработка сюжета, или так, что при теоретичности невозможна оригинальность? Ведь самый факт выхвачен мною из самой заурядной категории общественных явлений. Я хотел только остановить на нем внимание, обобщить его и изобразить в картинах, оставляющих в читателе известное преднамеренное впечатление, причины и процессы одного из общественных грехов. Нового, конечно, я ничего не сказал, но на это я и не рассчитывал... Могла или нет здесь выразиться оригинальность? вот что мне интересно [4, с. 660].

И 6 мая 1889 г. Короленко писал:

...Видите, в чем, по-моему, дело. Когда трактуется известная «категория явлений», то можно брать ее с разных, так сказать, точек зрения и различными приемами. Художник берет явление со стороны «конкретной». При этом, конечно, теоретические познания не помеха, и даже наоборот: они помогают наблюдать, и расширяют, и углубляют наблюдательную способность; но всё же главное для художника — образ, предмет. Нужно хорошо знать, так сказать, непосредственно ту категорию явлений, которую хотите описать, чтобы черты ее сложились в типический образ, и нужно отлично «вообразить» себе этот тип, чтобы придать ему значение и осязательность индивидуума. Таким образом, делая упрек в «теоретичности»,

я имел в виду именно то обстоятельство, что Вы рисуете данное явление, почти ограничиваясь одними теоретическими познаниями об нем. Теперь, какое отношение имеет теоретичность к оригинальности? А вот какое: когда два человека имеют дело с хорошо обследованным и обобщенным явлением в его отвлечении, — то действие этого обобщения на обоих будет почти всегда одинаково. Оба мы с Вами согласимся, что проституция печальное явление и что не всегда детей кидают в яму злодеи, и если бы нам пришлось обоим писать на эту тему, *совсем* (беру крайность) не зная живых примеров, то весьма вероятно, что наши сочинения выйдут очень похожи одно на другое, потому что будут вращаться около положений, данных отвлеченною темою. Логику вообще называют безличною. Когда же два человека, даже совершенно сходных убеждений, имеют дело с живым «объектом», то очень редко их оценка будет одинакова. Тут гораздо более простора личным особенностям обоих. Таким образом, когда в произведении преобладают конкретные представления, — то гораздо более вероятности, что в их восприятии и воспроизведении скажутся личные *особенности* автора (а это-то и есть оригинальность), чем в том случае, когда он исходит не от живого факта, а от отвлеченной схемы. Не знаю, достаточно ли ясно я выразил свою мысль. Прибавлю, что это не отрицание *идеи* в произведении, а только известная постановка вопроса о *форме ее воспроизведения* [4, с. 487].

В позднейших воспоминаниях Чирикова всё это выглядело следующим образом:

...меня сослали в Астраханскую губернию на три года. Отсюда я продолжал писать в «Волжском вестнике», здесь написал рассказ, впервые появившийся в журнале (в книжках Недели), и сделал попытку послать повесть Короленко. Повесть была слабая, а главное — я описывал в ней жизнь в Петербурге, где никогда отроду еще не был. Я вспоминаю об этом эпизоде потому, что с ним связано полученное письмо от Короленко и случай с рукописью, характеризующий деликатность Короленко. Письмо было написано очень ласково, со всеми предосторожностями не задеть авторского самолюбия, не поколебать веры автора в свою талантливость и вместе с тем показать все слабые места произведения таким образом, чтобы автору казалось, что это сам он видит теперь и догадывается. Между прочим Короленко в письме страшно извиняется предо мною: горничная, убирая на его письменном столе, опрокинула чернильницу, облила бумаги, в том

числе и мою раскрытую рукопись, и потому пришлось восстановить несколько страниц. Перелистываю свою рукопись и вижу, что целые страницы написаны рукою самого Владимира Галактионовича, его красивым тонким мелким, но четким почерком! Письмо это, несмотря на мою неудачу, действовало на мою музу самым неожиданным образом: мне захотелось еще больше писать и добиваться места в толстых столичных журналах, куда я попал спустя три года уже без всяких протекций: сперва в «Мир Божий», затем в «Русское богатство», где и очутился, таким образом, снова сотрудником Короленко (редактором был тогда Н.К. Михайловский)⁴.

Мы обратим внимание на слова Чирикова об «авторском самолюбии», которые нам пригодятся для последующих сопоставлений, и на то, что Чириков совершенно опускает вопрос о «теоретичности» и «оригинальности», зато подчеркивает, что в «Русское богатство» он попал «без всяких протекций». Последнее, возможно, и справедливо, хотя с июня 1895 г. Короленко числился уже издателем журнала. Как бы то ни было, Чириков в 1894–1896 гг. опубликовал в «Русском богатстве» четыре рассказа⁵. История этих публикаций отразилась отчасти в письмах Короленко к Чирикову от 3 мая 1893 г. (частично опубликовано в: [1, с. 236]) и 9 января 1895 г. [9, с. 628]. Сам Чириков об этом и последующих событиях вспоминал так:

Мои первые рассказы в толстых журналах появились в 1893 г. сразу в двух: «Русском богатстве» и «Мире Божьем» — «Гаудеамус игитур» и «Ранние всходы». Покойные Н.К. Михайловский и А.А. Давыдова прислали мне теплые письма и пригласили быть сотрудником. Скитаясь после изгнания из университета (в 1887 г.) по провинции, главным образом в Поволжье, я работал в газетах и продолжал писать в журналах вышеназванных. В 1894 г. в г. Самаре сгруппировался кружок новых интеллигентских «сектантов»-марксистов около газеты «Самарский вестник» и началась диффузия двух сред: народнической и марксистской; начался мой душевный перелом, последствием которого явилось мое сотрудничество в журнале «Новое слово», где в 1897 г. появилась моя повесть «Инвалиды», повлекшая за собой резкий разрыв с «Русским богатством» и свирепое

⁴ Чириков Е. Каронин и Короленко (Из моих воспоминаний) // Спологи: литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал. 1922. № 8, июнь. С. 20–27.

⁵ Чириков Е. Gaudeamus igitur! Из уездной жизни. Очерк [в содержании: Рассказ] // Русское богатство (далее: РБ). 1894. № 7. С. 5–24; Чириков Е. В лесу. (В летопись голодного года): Рассказ // РБ. 1895. № 1. С. 150–170; Чириков Е. Митька: Рассказ // РБ. 1895. № 10. С. 5–34; Чириков Е. На стоянке: Очерк // РБ. 1896. № 6. С. 95–115.

нападение народнической критики (прилагаю два уцелевших у меня отзыва Скабичевского и Скрибы) [10, с. 440–448].

Чириков упоминает о своем разрыве с «Русским богатством», но не говорит, что самая резкая и аргументированная критика повести «Инвалиды» («Новое слово», август-сентябрь) была напечатана именно в этом журнале. В конце обзора марксистского журнала «Новое слово» В.А. Мякотин уделяет несколько слов беллетристическим произведениям, в том числе и этой повести Чирикова:

Главный герой этого рассказа Крюков является в рекомендации автора человеком вполне определенным, хотя эта определенность достигается исключительно при помощи наклеиваемых на него ярлычков: перечня книг, какие он читал в юности, сообщения, что он «присоединился к программе деятельности по формуле: „всё для народа и всё посредством народа“», «был подхвачен волною движения» и т. д. После двадцатилетних странствий и знакомств с инородцами Крюков вернулся на родину. «Вернулся он с какими-то фантастическими надеждами, планами и замыслами, с горячею верою в свое прежнее дело и с непреодолимым желанием начать всё сызнова». Для этого человека с ярлыком автор находит два дела: составить артель рабочих на железной дороге, которая, конечно, сейчас же и рушится, и попытаться обмануть инженера, у которого он нашел место и который поручил ему заключить мировую сделку с отцом убитого на дороге крестьянина. Не отказываясь от поручения, Крюков уговаривает крестьянина не брать предложенных инженером на мировую 300 р., а требовать судом 1.000 р. Обман обнаруживается, и Крюков должен покинуть место на железной дороге. Он — и писатель, но писанием своим просуществовать не может и потому берет место корректора при газете в некоем городке. Здесь он в доме своего бывшего университетского товарища встречается с его родственником, молодым студентом-«марксистом», уехавшим в эту далекую провинцию, и со второго слова они начинают говорить друг другу неприятности, а с третьего — обмениваются ругательствами. Измученный работой, тоской и последним оскорблением, Крюков заболевает, и товарищ-врач отвозит его в больницу. Скажите на милость, неужели это живой человек, а не деревянная марионетка,двигающаяся по воле автора, неужели это история, а не плохой анекдот? В качестве анекдота всё, конечно, возможно, но ведь в виде анекдота возможны и те эпизоды, которые происходят с героями романа г. Боборыкина <«По-другому»>. За что же «Н<овое> слово»

сердится тогда на почтенного романиста? Или рассказ г. Чирикова тоже новые слова о старых деятелях? Плохо же будет, если много придется таких слов выслушивать⁶.

И поскольку других оснований для «резкого разрыва с “Русским богатством”» не было, получается, что именно из-за этой маленькой заметки Мякотина Чириков с 1897 г. перестал печататься в журнале. Понятно, что «Русское богатство» ничего оскорбительного не сказало. Просто Чириков в результате внутренней эволюции ушел от «народничества», а заметка Мякотина стала лишь поводом.

«Русское богатство» на первую книгу его рассказов откликнулось статьей А.И. Потапова «О г. Чирикове»:

Вообще нужно заметить, что в одиночку, каждый в отдельности, эти рассказы г. Чирикова производят гораздо лучшее впечатление, чем вместе взятые, — особенно если не подходить к ним с большой меркой и помнить, что автор их маленький человек, который не может протискаться вперед, а только следует за своим временем. Собранные же вместе, они носят явный отпечаток безвременья...⁷

Особое внимание Потапов уделил повести «Инвалиды», которая

...производит впечатление вещи, написанной *ad hoc* <по случаю, *лат.*>, нарочно выдуманной для того, чтобы в общедоступной форме и на примерах, взятых якобы из жизни, доказать непогрешимость наших русских публицистов так называемого «марксистского» толка и оправдать их грубые полемические приемы. <...> ...в лице Крюкова он говорит об инвалидах вообще. А так как Крюков — «народник», то и получается следующее тождество: народники = Крюкову = инвалидам. <...> Сущность повести заключается в следующем. С одной стороны взят Крюков, «народник вообще», человек уже пожилой, а с другой стороны — «марксист», юнец. Крюков в повести кое-что говорит и делает, а марксист — фигура совершенно безличная и исполняющая обязанности говорильной машины — ему возражает и его разделяет: скажет — и нет Крюкова, еще скажет — еще отрубит... и всё общими местами. Дальше общих мест тогда и теоретики не ходили, и уж, конечно, «вторя» г. Чирикова не могла издавать других звуков. Но зато высмеивали шибко, высмеивали так, что

⁶ Мякотин В.А. Новые слова о старых деятелях // РБ. 1897. № 11. Отд. 2. С. 113–114.

⁷ Потапов Ал. О г. Чирикове // РБ. 1900. № 2. С. 170.

ничего почти от человека не оставалось. Постарался высмеять и г. Чириков. Он сочинил что-то в высшей степени жалкое, слезливое, смешное и глупое, нарисовал какую-то грубую карикатуру и подписал под ней: это — народники вообще. <...>

Но одного не мог отнять автор у Крюкова — его идейную стойкость. Каковы бы ни были его убеждения в подробностях, в основе их, как о том повествует г. Чириков, лежит счастье народа, для которого Крюков работал, ради которого пострадал, за которое и теперь, настрадавшись, он готов с горячностью нетронутого жизнью юноши отдать все свои силы и еще терпеть тяжелые испытания. А такие люди, эти убежденные интеллигенты, составляют нашу силу и надежду, красоту и гордость нашей жизни. Они нас будят, они мешают спать, они зовут нас вперед; и нам дорог их светлый образ. <...> ... как ни жалок Крюков, нам не жалко Крюкова, а жалко г. Чирикова. Нам жалко его как жертву какого-то нравственного гипноза, и обидно, что партийное ослепление могло настолько сильно его поработить. Много нужно интеллигентному писателю этого ослепления, чтобы так кощунствовать, чтобы, соорудив себе искусственный фантом, так высмеивать и так грубо потешаться над теми, кто является носителем самых человеческих стремлений и самых возвышенных, святых чувств...⁸

Через два года Н.К. Михайловский фактически повторил вслед за Потаповым те же претензии Короленко к Чирикову в «теоретичности» писательского мышления, которая мешает проявлению «оригинальности», и сожалел о том, что

...такой даровитый писатель разбрасывается на случайный темы, что нет в его распоряжении такой точки зрения, которая помогла бы ему ориентироваться в бесконечно разнообразных явлениях жизни, отличать в них важное и неважное, ценное и бросовое, а вместе с тем и ему самому придавала бы определенный индивидуальный облик.

Потапов и Михайловский пишут о том же, о чем говорил в 1889 г. Короленко — о зависимости художественных изображений Чирикова от заданных (теоретических) построений. Эта «теоретичность» проявилась, с точки зрения Михайловского, в зависимости Чирикова от внешних идеологических влияний:

⁸ Там же. С. 172, 173.

<когда> над русской интеллигенцией пронеслось дыхание неомарксизма, <...> г. Чириков как будто нашел то, чего ему не доставало. Подобно многим, он решил, что «теперь пойдет уж музыка не та, у нас запляшут лес и горы!» И написал сравнительно большой рассказ «Инвалиды»⁹.

Маркс и Энгельс — да простит мне г. Чириков сопоставление его с этими большими людьми — не разделяли фантастических мечтаний Фурье, но понимали и ценили его, потому что знали в его учении и кое-что кроме этих фантазий. Г. Чириков знает из учения «инвалидов» только надежды на общину и артель и гордый своими познаниями по части начатков в этой области, третирует Крюкова. <...> Бедный, жалкий «инвалид» Крюков сталкивается с молодым марксистом Игнатовичем, который кладет его в лоск главным образом насмешливо-презрительным вопросом — что делают его, Крюкова, единомышленники? «Твердят, как сорока про Якова, о том, что нужно поддерживать общину, и плачут, когда их не слушают? Поддерживают кустарей, уже разбившихся на группы зажиточных буржуа и простых наемных рабочих?» Понятно, что Крюков, у которого за душой нет ничего, кроме общины и кустарей, совершенно сражен этими вопросами и уклоняется от ответа, а начинает ругаться. Игнатович отвечает тем же, и — Крюков вскоре умирает. Перед смертью он пишет Игнатовичу письмо, в котором признает, что он, Крюков, действительно «никуда не годен», а Игнатович — «хороший, честный юноша». Он допускает, что всё его прошлое — «одна сплошная ошибка», но, говорит, «быть может, на смену вам придут новые люди, которые признают ваши взгляды и вашу деятельность тоже ошибкой». Словом, он сдается окончательно и только жалуется на то, что Игнатович был с ним жесток, оскорбил его и «этим оскорблением только напомнил ему о том, что он давно знал и о чем давно думал»¹⁰.

Хотя Чириков сотрудничество с «Русским богатством» прекратил, но участвовал в сборнике «В защиту слова» (1905), организаторами которого были редакционный круг и авторы «Русского богатства»¹¹.

⁹ Михайловский Н.К. Литература и жизнь. О повестях и рассказах гг. Ф. Потехина, Ивана Щеглова, Н. Тимковского, Алексея Плетнева, кн. Барятинского, Евгения Чирикова, М. Горького, Антона Чехова. — Два слова о воспоминаниях М.А. Антоновича о Добролюбове // РБ. 1902. № 1. Отд. 2. С. 108–109.

¹⁰ Там же. С. 110, 112.

¹¹ В защиту слова: Сборник 1. Статьи, стихотворения и заметки Н.К. Михайловского, А.В. Пешехонова, П.Н. Милокова, К.К. Арсеньева, Вл.Г. Короленко, О.Н. Чюминой, Н.А. Рубакина, Дионео, С.Я. Елпатьевского, Ив. Наживина, В.И. Дмитриевой,

В это время он стал пайщиком издательского товарищества «Знание», где вышло его собрание сочинений в 8 томах (1903–1909). Критики же «Русского богатства» внимательно следили за его произведениями, но в оценке их сохраняли те же самые акценты. А.Г. Горнфельд в пьесах Чирикова видел ту же «теоретичность» писательского мышления, подавляющую его «оригинальность»:

Сплошь и рядом нам приходится видеть в театре *не новые образы, новые положения, новые вопросы, а драматизированные разговоры о том, чем в данный момент полна наша бледная и односторонняя печать*; сплошь и рядом автор наблюдает жизнь не *à travers le temperament* <через темперамент, фр.>, как определяла натуралистическая критика, но *à travers le journal* <через газету, фр.>: «новости дня» стоят между ним и действительностью, и он переносит на сцену «маленькую хронику» — марксистов и декадентов, классическую гимназию и еврейский погром... Хорошо еще, когда автор знает что-нибудь, кроме своей газеты: он вносит в свое изображение хоть какие-нибудь свежие черточки из непосредственного наблюдения. Но это бывает не часто.

Таким *перенесением на сцену знакомых мотивов представляется нам драматическое творчество* г. Чирикова. Он опытный литератор, и это хорошо отразилось на его произведениях. Он умело овладел драматической формой, и его пьесы со сцены могут произвести впечатление. Но когда вчитаешься в них, то белые нитки, не видные при свете рамп, выступают с достаточной очевидностью: это драма, пригодная и для чтения, и для исполнения, но в основных своих чертах она из вторых рук. <...>

Между тем психологический анализ никогда не был сильной стороной дарования г. Чирикова: он хороший, хотя подчас тенденциозный наблюдатель бытовых черт, но области драматической характеристики ему лучше не касаться¹².

И те же самые недостатки отмечают в новых произведениях Чирикова другие критики «Русского богатства». А.М. Редько

П.Ф. Якубовича, В.А. Мякотина, П.В. Мокиевского, Ф.А. Щербины, Вл.А. Розенберга, Ф.Д. Батюшкова, Е.Н. Чирикова, М.В. Ватсон, Н. Гарина, В.Я. Богучарского, В.К. Агафонова, О.Н. Ольнем, Н.И. Коробки, А.И. Иванчин-Писарева, С.Н. Прокоповича, В. Смирнова, А.Б. Петрищева, К.С. Баранцевича, А.Г. Горнфельда, М.Н. Слепцовой, И.П. Белоконовского, С.Ф. Русовой, Е.В. Святловского, П.И. Бларамберга. 4-е изд., без перемен. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1906; без указания издателя. 255 с. Предыдущие 1–3-е изд.: СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1905; без указания издателя.

¹² Б. п. <Горнфельд А.Г.> Евгений Чириков. Пьесы. Изд. товарищества «Знание». СПб., 1904 // РБ. 1904. № 6. Отд. 2. С. 110–111.

и Е.И. Редько, которые писали под общей подписью А.Е. Редько, в рецензии на издания товарищества «Знание» указывают, что «теоретичность» (= тенденциозность) Чирикова вступает в противоречие с «оригинальностью» произведения:

Недостатки «Ивана Мироныча» те же, что и всегда у г. Чирикова — склонность к преувеличению и шаржу и в комических персонажах и положениях, и в драматических (вдовец-учитель в «Иване Мироныче»). Автор «Ивана Мироныча», если воспользоваться термином актеров, — слишком часто «переигрывает», не умея заставить себя остановиться вовремя при разработке деталей. Это, конечно, и портит впечатление, и мешает, если так можно выразиться, серьезному отношению к произведению со стороны читателя-зрителя¹³.

Рассказ <«В тюрьме»> в обычной манере г. Чирикова, который, не бичуя, вышучивает. Перед читателем скорее не рассказ, а юмористический фельетон о пяти свободах, приучивших смеяться над тюрьмой, и, если смотреть с этой точки зрения, рассказ г. Чирикова испорчен некоторыми шаржированными подробностями и, конечно, трагическим концом¹⁴.

«Наклонность к преувеличению и шаржу», которая «портит впечатление, и мешает... серьезному отношению к произведению» и «юмористический фельетон о пяти свободах, приучивших смеяться над тюрьмой», — всё это отголоски той критики Короленко, которую он высказал в письме к Чирикову в письме от 6 мая 1889 г. И те же самые претензии в рецензии на документальную прозу Чирикова:

Пытается ли автор осветить сущность процесса, именуемого войной, он и тут не идет дальше общих и избитых фраз вроде: «одни изобретают всё новые совершеннейшие орудия взаимного истребления, другие — средства противодействовать этим изобретениям, третьи, при помощи той же науки, стараются бороться с результатами усовершенствованных в области взаимоистребления машин — исправляют калеченных людей и стараются вернуть им готовую улететь жизнь» — и т. д.; а чтобы у читателя не оставалось

¹³ Редько А.Е. Литературные наблюдения: Сборник «Знания», книги 4–6; гт. Куприн, Гусев-Оренбургский, Найденов и Чириков — о «стране отцов» и г. Андреев — о «воре» // РБ. 1905. № 10. Отд. 2. С. 68.

¹⁴ Редько А.Е. Литературные наброски. «Савва» и «К звездам» — Л. Андреева. «В Америке» — М. Горького. «В городе» — С. Юшкевича. «В тюрьме» — Е. Чирикова. «Огарки» — Скитальца. «Генрик Ибсен» — Г. Плеханова // РБ. 1906. № 11 (ноябрь). Отд. 2. С. 137.

ни малейшего сомнения в шаблонности рисунка, автор приклеивает к нему ярлык: «рисуетсЯ сцена театра, Шаляпин в Мефистофеле из «Фауста» и дьявольская песенка:

В угожденье Богу злата
Край на край встает войной,
И людская кровь рекой
По клинку течет булата.

Ни одной черты, ни одного слова, которых не знали бы все без исключения!¹⁵

Как это ни удивительно, но все критики «Русского богатства» повторяют, развивают и углубляют те же самые замечания, которые Короленко высказал Чирикову в 1889 г. Как будто Короленко прочитал открытую лекцию в журнале, и все критики «Русского богатства» отчитывались об усвоенных знаниях. Для нас в данном случае не столь важно, в какой мере журнал был справедлив по отношению к Чирикову. Для нас важно, что все эти высказывания существенно корректируют то описание отношений «Русского богатства» и Чирикова, которое мы находим у современных исследователей:

...в повести «Инвалиды» Чириков, в конце 1890-х годов еще колебавшийся в том, к какому стану примкнуть — к народникам или марксистам, в уста марксиста Игнатовича вложил резкую, но справедливую критику народничества. За это писатель был «изгнан» из народнического журнала «Русское богатство» и обвинен в лакействе перед «новыми господами», к которым он поступил на службу (имелось в виду, что Чириков начал печататься в журнале марксистов «Новое слово»). Однако в написанной спустя два года повести «Чужестранцы» он скорректировал свою позицию, показав, как уже марксисты терпят поражение, пытаясь приспособить западную теорию к «местным условиям». <...>

Исходя из этого, можно сделать вывод, что, видя непрактичность, идеализм, порой даже некоторую зашоренность народников, их отказ признать неотвратимо наступающие изменения, Чириков уже тогда сумел выявить ряд отталкивающих черт у представителей марксистской идеологии. Он нарисовал их как самоуверенных, надменных, а порой и просто агрессивно настроенных по отношению

¹⁵ Б. п. <Дерман А.Б.> Евгений Чириков. Поездка на Балканы: Заметки военного корреспондента. Московское кн-во, 1913 // РБ. 1913. № 9. С. 362–365.

к инакомыслящим людям. В этом произведении <«Чужестранцы»> уже нельзя было обнаружить ни «нарочитого осмеяния народничества», ни «прославления марксизма» [8, с. 22–23].

Мы видим, что авторы «Русского богатства» вовсе не обвиняли Чирикова «в лакействе перед “новыми господами”», из «Русского богатства» никто Чирикова не изгонял, а «критику народничества» в «Инвалидах» едва ли можно признать «справедливой». Более того, А.И. Богданович, на суждения которого опираются в своих оценках авторы, говорил в унисон с критиками «Русского богатства», разве только более мягко, признавая и достоинства Чирикова как писателя:

Именно теперь, когда уже прошло время острых недоразумений, можно, как нам кажется, видеть в герое рассказа Крюкове скорее не вполне художественное создание. Автор — прекрасный наблюдатель, жизнь провинции он знает отлично, он сжился с нею, прекрасно изучил ее отрицательные стороны. Но у него есть один существенный недостаток. Он склонен к излишним обобщениям и скорым выводам. На основании одной-двух верных черт характера он готов построить целое здание выводов, запечатлев их в соответственные образы. Отсюда недоделанность, грубоватость образов, отсутствие тех тонких штрихов и оттенков, которые бы придали им жизненность и цельность истинного художественного произведения. Спешность и торопливость чувствуется в этом схватывании на лету, фигуры выходят типичны по верно схваченным чертам, но нередко карикатурны по резкости штрихов. <...>

На празднестве и происходит столкновение Крюкова-народника с «марксистами». В этой сцене действительно автор пересолил и этим дал повод к многочисленным нападкам на себя. Чувство художника изменило ему, и вместо художественной сцены получилась публицистическая страничка, написанная под непосредственным влиянием настроения минуты. В небольшой, но умно и тепло написанной статье г. Потапова в «Русском богат.», посвященной г. Чирикову, есть очень верное, хотя и не новое замечание о неудобстве смешения публицистики с беллетристикой¹⁶.

Позднее «Русское богатство» неоднократно откликалось на новые книги Чирикова, обычно повторяя те же претензии, которые выразил еще в 1900 г. А.И. Потапов:

¹⁶ А.Б. <Богданович А.И.> Критические заметки // Мир Божий. 1900. № 4. Отд. 2. С. 6–7.

Г. Чириков — это популяризатор ходячих общественных формул, суждений, настроений в их наиболее шаблонном выражении. В своих произведениях он отражает не самый предмет, не самое явление, а их уже готовое отражение, притом не зарождающееся, не новое, а именно ходячее. <...> Когда потребитель его рассказов или пухлых романов, с их удручающим многословием, не без удовольствия читает эти вещи, то он при этом впадает в психологический самообман: ему кажется, что в «Юности» Чирикова он видит черты собственной юности или юности своих друзей, в изображениях разных неудачников-интеллигентов — узнает знакомых своих неудачников, и т. д., — пред ним как бы воскресает прошлое, и читатель доволен, и у Г. Чирикова много читателей... Но читатель узнает на самом деле не себя и не своих знакомых, а те господствующие представления о своей и чужой юности, об интеллигентах, о марксистах и народниках и т. д., которые почти всегда бывают сильнее личных, подлинно лирических воспоминаний и представлений¹⁷.

Возможно, рецензенты «Русского богатства» ошибались, когда исходили из оценки каждого нового произведения Чирикова из раз навсегда устоявшейся презумпции преобладания теоретичности над оригинальностью. Когда это было сказано раз или три — это убеждало, но когда из отзыва в отзыв переходит одна и та же претензия — начинаешь думать о предвзятости рецензентов (Мякотин, Михайловский, Потапов, Горнфельд, Редько, Дерман). Хотя, наверное, известная и существенная доля правды в этих претензиях была, потому что позднее сам Чириков вернется к этой проблеме в предисловии к роману «Зверь из бездны» (мы еще обратимся к этому высказыванию). Так что ситуация была гораздо сложнее, чем она пока предстает перед нами, и требует дополнительных разысканий.

¹⁷ Б. п. <Дерман А.Б.> Евгений Чириков. Житье-бытье. Московское кн-во. 1913; <Чириков Е.> Тряпка из Ям. Московское кн-во. 1914 // РБ. 1914. № 8. С. 304–306. См. также: Редько А.Е. Два сборника. I. Сборник «Земля». М. Арцыбашев. Рассказ об одной пощечине. — В. Винниченко. Заветы отцов. — Евгений Чириков. Гиблое место. — А. Федоров. Араб. Сборник четырнадцатый. Московское кн-во. 1914. — II. Первый драматический альманах. С. Юшкевич. Драма в доме. — Гр. Ал. Н. Толстой. Насильники. — Николай Архипов. Три этажа. — С. Ауслендер. Ставка князя Матвея. — С. Поляков. Лабиринт. — А. Вознесенский. Цветы на обоях. СПб.: Новая жизнь, 1914 // РБ. 1914. № 6. С. 316–321; Б. п. <Редько А.М.> Земля. Сборник семнадцатый: М. Арцыбашев. Женщина, стоящая посреди. — Евгений Чириков. Волжские скачки. — Иван Рукавишников. Убийство. Московское кн-во. М., 1915 // Русские записки. 1916. № 4. С. 308–310; Б. п. <Горнфельд А.Г.> Евгений Чириков. Общественная драма. 2-е изд. Московское кн-во, 1917 // Русские записки. 1917. № 11–12 [на обложке: РБ. С. 358–359].

2

Итак, Чириков перестал сотрудничать в «Русском богатстве» в 1897 г. Между тем в конторе журнала за ним числился небольшой долг, составившийся из авансов, которые он брал под предполагаемые произведения. И подводя баланс за 1907 г., контора журнала напомнила ему об этом десятилетнем долге, Чириков же 20 января 1908 г. написал письмо под названием «В контору “Русского богатства”», известное нам по копии, которую добросовестно снял Н.Ф. Анненский:

На письмо Ваше об авансе в 25 р., который числится за мной со времен Царя Гороха, и на вопрос, в какой форме я думаю погасить сей аванс, имею счастье сообщить, что литератор погашает аванс, по обыкновению, своей работой. Едва ли в истории русской литературы бывали случаи, когда авторы погашали авансы деньгами. Бывали случаи, когда они ничем не погашали, но чтобы деньгами... докажете!.. Итак — деньгами погашать предосудительно. Остается погашение трудом, что я и выбираю... На сумму 25 р. я готов написать «Русскому богатству», однако вынужден предупредить, что получаю ныне не 60 р. с листа, как щедро оплачивало мой труд «Русс. богатство», а по 500 с листа, так что на 25 р. могу дать $(500/16 \text{ (стр.)} = 31 \text{ р. страница})$ 25/31 страницы или 0,8 страницы. Прошу уведомить, что Вам написать: повесть или драму в указанных размерах. <...>

P.S. Быть может, журналу удобнее выдать еще 475 р. аванса? Тогда размер произведения достигнет листа¹⁸.

Пересылая 29 января 1908 г. эту копию Короленко, Анненский комментировал:

Утруждаю Вас чтением Чириковской глупости (прописанной на обороте) вот на какой конец. У нас в редакции наглый тон этой глупости вызвал желание дать сдачи. Хитрый А<ркадий> Г<еоргиевич> предложил напечатать письмо в «Случайных заметках» и затем сообщить Чирикову, что 0,8 его страницы напечатаны и долг покрыт. За это предложение схватились другие товарищи. Я его не разделял и не разделяю. Не говоря уже о том, правильно ли вообще печатать письмо, для печати не предназначенное, — я думаю, что связываться с Чир<иковым> и вступать в неизбежную полемику нам едва ли

¹⁸ РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 17. Ед. хр. 55. Л. 6–6 об.

подходит. Говорят, что этот факт характерен для литературных нравов, теперь водворяющихся среди «молодых» писателей. Так это. Но если бы мы не были здесь стороною. А то получается ведь, что мы сильно задеты его глупостью, что демонстрировать едва ли требуется. Мне кажется, что к глупости надо отнестись спокойнее и ответить на оную презрением. Я предлагал поэтому просто сообщить от конторы, что его долг за безнадёжностью списан в убыток. А от редакции ни слова.

Как Ваше мнение. Решено его запросить, ибо поднимать, так сказать, литературный скандал в журнале, Вами подписываемом, конечно, дело неподходящее¹⁹.

Короленко отвечал 2 февраля 1908 г.; однако письмо его (как и весь архив Анненского) утрачено. Между тем о мнении Короленко свидетельствует то, что в письме Анненского он подчеркнул слова: «долг за безнадёжностью списать в убыток». Предложение А.Г. Горнфельда было очень смешным и ядовитым, и «другие товарищи» по-своему справедливо поддержали его (из членов редакции в непрерывном порядке это были А.В. Пешехонов и В.А. Мякотин). Раздел «Случайные заметки», заведенный в «Русском богатстве» в 1904 г., включал в себя небольшие острые фельетоны скорее газетного, а не журнального типа. И помещение тут письма Чирикова было бы весьма уместным, но Короленко и Анненский всячески стремились держаться нравов старого доброго времени и избегать скандалов, которые становились в то время нормой литературной жизни. Поэтому «Русское богатство» списало долг Чирикова в убыток и продолжало писать о Чирикове так, как будто этого инцидента не было вовсе.

Со стороны же Чирикова торг из-за 25 рублей выглядел не самым привлекательным образом. Но объяснить такое поведение Чирикова можно достаточно просто: он в это время чувствовал себя на самом гребне новой волны, был упоен успехом и меры не ощущал. Еще в 1903 г. в журнале «Огонек» была помещена фотография под названием «Молодые литературные и художественные силы», на которой были запечатлены стоящими Скиталец (С.Г. Петров), М. Горький и сидящими Л.Н. Андреев, Ф.И. Шаляпин, И.А. Бунин, Н.Д. Телешов, Чириков²⁰ (Илл. 2). Эта фотография была сделана в один и тот же сеанс (в том же интерьере, в тех же одеждах), что и более извест-

¹⁹ Там же. Л. 5–5 об.

²⁰ Огонек: Иллюстрированное обозрение общественной и политической жизни, наук и изящных искусств: Приложение к «Биржевым ведомостям». 1903. № 13, 12 апреля. С. 104.

ная фотография той же группы под названием «Группа участников “Сред” Телешова» с датой 1902 г. [12, вклейка между с. 96 и 97, XVI] (Илл. 3). Сам Телешов вспоминал о ней:

В конце 1902 года была сфотографирована Фишером группа из семи человек: Горький, Скиталец, Бунин, Андреев, Телешов, Чириков и Шалапин. Эти снимки разошлись по всему миру. Не было, кажется, такого журнала, где бы не появились эти репродукции за всевозможными подписями. В одних заграничных изданиях называли группу «писателями», в иных изданиях — «русскими революционерами» и т. д. Русские иллюстрированные журналы буквально все, кроме ярко черносотенных, помещали у себя эту группу: это было как бы представление читателям авторского коллектива зарождавшегося тогда издательства «Знание» и сборников «Знание», имевших такое значительное отношение к 1905 году. Эти сборники были организованы Горьким у нас же, на одной из «Сред», когда Алексей Максимович, приехав на день в Москву, отбирал у нас рукописи для первого выпуска. В память этого начинания сборников Горький и предложил нам сняться товарищеской группой. Первый сборник был составлен исключительно из произведений членов «Среды»²¹.

Между тем сам Телешов опубликовал третью фотографию, на которой та же группа была запечатлена в тех же интерьерах и в тех же одеждах [12, вклейка после оглавления] (Илл. 4). И комментарий Телешова, и само число сохранившихся одновременно сделанных фотографий указывает на рекламный характер этой акции: «представление читателям авторского коллектива». И реклама эта у участников содружества вызывала понятную в целом эйфорию, а

Илл. 2

²¹ Телешов Н.Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М.: Московский рабочий, 1958. С. 53.

Илл. 3

Илл. 4

Илл. 5

у сторонних наблюдателей — вполне естественную пародию. Так появилась карикатура «Горький в неразлучной компании»²² (Илл. 5).

Для нашего сюжета оставшийся втайне от всех финансовый инцидент Чирикова с «Русским богатством» имеет очень большое значение, потому что позволяет понять и вновь прокомментировать ставший всем хорошо известным громкий «чириковский инцидент» по еврейскому вопросу²³, хотя этот последний, в свою очередь, помогает понять финансовый русскобогатенский инцидент.

Как известно, в 1903 г. Чириков написал пьесу «Евреи», о которой М. Горький писал К.П. Пятницкому 20 августа 1903 г.:

²² Штейн Карл. Пасхальные подарки // Петербургская газета. 1903. № 93, 5 апреля. С. 3.

²³ См. об этом: [6; 13].

Рад я за русскую литературу, которая давно должна была дать что-нибудь крупное в этом направлении, и за Евгения — которого успех должен поднять на дыбы [3, т. 3, с. 190].

Для нас в этом высказывании важна не оценка пьесы, а попутное замечание, что «успех должен поднять на дыбы» Чирикова. Горький оказался прав: в феврале 1909 г. Чириков встал на дыбы. Вот как об этом рассказывает сам Чириков:

В гостях у артиста Ходотова читалась пьеса г-на Шолома Аша «Белая кость». Пьеса, как правильно отмечено «Русским словом», вызвала среди русских писателей и журналистов некоторое недоумение тенденцией автора — идеализировать одно из главных действующих лиц, Розу, на наш взгляд, самую заядлую мещанку из мелкобуржуазного еврейского мирка, способную вызвать одну лишь антипатию.

Начались споры. Недоумение русских писателей еще более усилилось, когда автор пьесы сказал искреннюю, горячую речь, смысл которой сводился к тому, что мы, русские, не можем понять этой бытовой пьесы, и, чтобы Роза предстала перед нами в надлежащем ореоле героини фанатического склада, спасающей еврейскую аристократическую кровь, — необходимо быть евреем или прожить с ними 5000 лет. Никто из присутствующих евреев писателей и журналистов на это Ш. Ашу не возразил. Когда очередь говорить о пьесе дошла до меня, я, отдав должное достоинствам пьесы и указав на ее недостатки, перешел к затронутой автором теме. Я сказал, что если мы, русские, оказываемся неспособными понять еврейскую бытовую пьесу, то отсюда следует, что и вы, еврейские писатели и журналисты, не можете вполне понять и почувствовать наш русский быт. <...> Далее я говорил о том, что такое отношение к быту несовместимо с идеей национальности, что национальность и быт неразрывно связаны друг с другом, что я сожалею только о том, что среди части еврейской интеллигенции за последнее время идея национальности начинает превалировать над другими идеями; говорил, что началось это с отделения от с.-д. партии; что на меня, русского интеллигента, воспитанного на бесплотных идеалах братства и равенства, это произвело когда-то весьма грустное впечатление; что если мне, русскому интеллигенту, торопятся прежде всего и громче всего сказать, что «мы — евреи», то мне позволительно вспомнить, что я — русский...

В этом месте со стороны слушателей-евреев послышался неодобряющий шорох и шепот, который, задев мое национальное самолюбие, заставил меня сказать:

— Да, русский, не «истинно русский», а просто русский... Впрочем, мне всё равно, как вам будет угодно это признать... И если вы заявляете, что мы, русские, неспособны понимать ваших бытовых пьес, то мне остается пожалеть, что меня критикуют не русские, так как большинство критиков петербургской прессы — евреи...²⁴

Обратим внимание в этом высказывании не на его конкретное содержание, а на его мотивировку, в которой Чириков честно сознается: «задев мое национальное самолюбие». Хорошо или плохо то, что это самолюбие «национальное», — тоже можно пока оставить за скобками. Дело в том, что современник этого инцидента Д.А. Левин писал о нем, также указывая на «раздраженное авторское самолюбие»:

Г. Шолом Аш написал пьесу, которая не понравилась г. Чирикову; г. Чириков написал пьесу, которая не удовлетворила вкусу театральных рецензентов. Г. Шолом Аш, услышав нелестный суд г. Чирикова, в горячности заявил или предъявил отвод: пьеса его еврейская, а г. Чириков русский, и поэтому он не может правильно оценить достоинства пьесы. Эта теория национальной критической подсудности была немедленно усвоена г. Чириковым, который и применил ее к оценке своей «Белой вороны». «Белая ворона» русская пьеса, а некоторые из театральных рецензентов, отзывавшиеся о ней неодобрительно, евреи; следовательно, их отзыв уважения не заслуживает. Может быть — да, а может быть — нет; ведь и неправильная общая теория может случайно оправдаться на одном конкретном факте. Возможно, что пьеса г. Чирикова талантливая, а критики его слепые кроты, возможно это и относительно пьесы г. Шолома Аша и критического отзыва о ней г. Чирикова. Но где ручательство за то, что пьесы этих авторов должны быть непременно перлами создания? А если такого ручательства нет, то ведь возможно, что правда была на стороне критиков, а не авторских самолюбий. Но, наряду с этим, вполне понятно, откуда появился отвод о критической неподсудности. Г. Шолому Ашу гораздо легче доказать, что г. Чириков русский, чем доказать наличность драматического дарования в своей пьесе; г. Чирикову гораздо легче доказать, что некоторые из рецензентов «Белой вороны» евреи, чем то, что их отзывы о «Белой вороне» были

²⁴ Чириков Е. Благодарю, не ожидал!.. // По векам...: сборник статей об интеллигенции и «национальном лице»: П. Боборыкина, А. Васильева, М. Винавера, В. Голубева, Владимира Ж., И. Жилкина, Е.К., Д. Левина, А. Максимова, П. Милокова, Н. Минского, М. Могилянского, Ф. Мускатблита, проф. А. Погодина, Алексея Порошина, В. Поссе, Рославлева, М. Славинского, П. Струве и В. Хижнянова / с предисл. Ф. Мускатблита. М.: Заря, 1909. С. 159–161. С. 160–161. Предварительно: Русское слово. 1909. № 50.

несправедливы. Раздраженное авторское самолюбие стремится оттолкнуть от себя то, что раздражает, и, разумеется, самый легкий и общедоступный способ для достижения цели состоит в том, чтобы раздражающий объект или субъект был подвергнут действию тех национальных «отталкиваний и притяжений», о которых заговорил Петр Струве в «Слове», «которые живут и трепещут в душе» (слова Струве), да и сами составляют душу — душу национальности²⁵.

Авторы «Русского богатства» в «чириковском инциденте» не участвовали, судя по всему, из двух принципиальных соображений. Будучи абсолютно лишены всякого антисемитизма²⁶, они тем не менее считали самым верным путем дальнейшего развития еврейства путь ассимиляции. Но, помимо этого, они вообще старались избегать всяческих литературных скандалов и выяснения отношений, в которых они справедливо видели признаки массовой культуры, «улицы». Между тем в ежемесячном обзоре общественно-литературной жизни А.В. Пешехонов писал:

Я упомянул о национальной проблеме. Происхождение ее у всех еще на памяти. Дело началось за чаем у артиста г. Ходотова. Сошлись еврейские и русские писатели о пьесах побеседовать.

Сошлись и заспорили,
Заспоривши — повздорили...

А повздоривши, перебранку, начатую в частной квартире, перенесли на страницы газет... За «Чириковский инцидент» ухватились сионисты, — вода ведь была на их мельницу. В самом деле: если уж г. Чириков, прогрессивный писатель, антисемитом себя объявил, то ничего иного евреям не остается, как свое национальное государство устроить. С другой стороны, и «Новое время» обрадовалось: «Прорвалось!» — говорит. Напрасно г. Чириков доказывал, что антисемитом он себя не объявлял, свидетелей приводил, на свои сочинения ссылался. Не слушают, да и всё тут... Но большой шум устроить всё-таки было трудно, — дело ведь шло о факте. «Инцидент» совсем было признан был «исчерпанным», как вдруг г. Струве «национальное лицо» показал, — и это опять-таки внезапно произошло. И «лицо»-то показалось многим совершенно неожиданным²⁷.

²⁵ Левин Д. Наброски // Речь. 1909. № 69, 25 марта. С. 2.

²⁶ См., в частности: [2].

²⁷ Пешехонов А. На очередные темы. Времяпровождение. I. «Образцовая во всех

Как видим, Пешехонов полностью доверяет словам Чирикова; главный противник его в этой статье П.Б. Струве (мы не будем касаться этого вопроса). И в данном случае Чириков как страдательное лицо «уличной» шумихи вызывает у Пешехонова даже сочувствие.

А когда появился сборник «По вехам», в который были включены газетные статьи 1909 г. по национальному вопросу, «Русское богатство» отозвалось о нем так:

Названная книжка представляет собою не что иное, как перепечатку ряда статей, посвященных петербургскими и московскими газетами спору о «национальном лице», поднятому гг. Струве, В. Голубевым и Владимиром Ж. после разыгравшегося минувшей зимой пресловутого чириковского инцидента. Г. Мускатблит включил в свою книжку статьи только что перечисленных писателей, присоединил сюда же без особого порядка и последовательности ряд статей их газетных оппонентов и таким образом получился «сборник статей об интеллигенции и национальном лице». Некоторые из этих статей и в момент первоначального своего появления в печати не представляли особого интереса, другие, наоборот, в то время имели известный интерес, благодаря ли правильности указанной авторами их общей точки зрения или благодаря остроумию и меткости содержащихся в них отдельных замечаний, но все они без изъятия являлись во всяком случае лишь спешными газетными откликами на злобу дня. Собранные вместе, эти отклики представляют большое разнообразие мнений, переходящее даже, пожалуй, в крикливую пестроту, но из этих разнообразных мнений ни одно не изложено с надлежащей полнотой, ни одно не развито с достаточной последовательностью и яркостью. Конечно, от беглых и отрывочных газетных статей, предназначенных служить лишь потребности текущего дня, нельзя было бы и требовать чересчур многого в этом смысле, но именно поэтому мысль г. Мускатблита дать читателю сборник таких статей нельзя признать особенно удачной, если только иметь в виду интересы читателя, а не шансы успеха издательской спекуляции²⁸.

И финансовый инцидент с «Русским богатством», и «чириковский инцидент» по еврейскому вопросу — оба они замешаны на поднятом на дыбы самолюбии Чирикова: игра самолюбия мешала ему занять

отношениях опера». — II. Кое-что о режиссерской части. — III. Когда же кончится представление? // РБ. 1909. № 5. Отд. 2. С. 123.

²⁸ Б. п. <Мякотин В.А.> По вехам: Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице». С предисловием Ф. Мускатблита. М., 1909 // РБ. 1909. № 7. Отд. 2. С. 125–126.

уравновешенную позицию. Чириков напрасно поднял брошенную ему Ашем перчатку и стал полемизировать, исходя из «теории национальной критической подсудности», по принципу «сам съешь». Но поскольку Чириков был «самолюбив», это предопределяло всё его поведение. Если в конце 1880-х гг. он с благодарностью воспринимал критические замечания Короленко, то позднее критику в свой адрес он просто не мог переносить. Видимо, это и стало причиной его дальнейшей эволюции:

Еще одним негативным результатом полемики стало то, что не просто одним русским писателем, обращавшимся к еврейской теме, стало меньше, но именно с этого времени этот писатель полностью сосредоточился на характеристике специфики русского национального самосознания, стал активным защитником русской самобытности, иногда даже не терпящим критики в адрес русских, следствием чего явилась жесткая полемика Чирикова с М. Горьким, вылившаяся в брошюры «Русский народ под судом Максима Горького» (1917) и «Смердяков русской революции» (1921) [6, с. 111].

Можно понять, сколь неприятны были Чирикову обвинения в антисемитизме. Но нельзя не заметить, что эти обвинения тонули среди выступлений в защиту и поддержку Чирикова. Однако из самолюбия Чириков перестал продолжать эту тему и демонстративно ушел в сторону. Едва ли такую позицию для писателя можно признать правильной.

В традиционных политизированных терминах следовало бы говорить о поправении Чирикова. И, наверное, это по-своему справедливо: участие в сборнике «По векам...» свидетельствовало именно о такой эволюции. Но это поправление сводилось к отказу от узко-радикальной и четко очерченной платформы, от «теоретичности» в пользу пускай и размытой, но «оригинальной» позиции. И тут соотношение с «Русским богатством» становится совершенно иным.

В 1911 г. Чириков принял активное участие в изданиях и акциях массовой культуры, и Пешехонов резко саркастически задел его в статье, посвященной газетной шумихе в связи с юбилеем по поводу отмены крепостного права. Издатель «Синего журнала» М.Г. Корнфельд обратился в ряду общественных, политических деятелей и писателей прислать краткие суждения о крестьянской реформе 1861 г. И вряд ли Корнфельд рассчитывал на воспевание крестьянской реформы. Ф.Д. Батюшков прислал, в частности, небольшую заметку с предложением «составить особый синодик всем нашим

писателям, изблещавшим крепостное право». И в параллель к Батюшкову редакция «Синего журнала» поместила цитату из «Истории моего современника» В.Г. Короленко, о чем Пешехонов писал так:

А Короленко дал... Впрочем, Короленко ничего не давал, но редакция «Синего журнала» не постеснилась сама взять отрывок из «Воспоминаний современника» (?) и сама же поставить под ним подпись В.Г. Короленко. Как известно, последний никакого восторга по случаю манифеста не помнит, помнит лишь, что было замешательство...

Некоторые из приглашенных всё же откликнулись²⁹, и Пешехонов писал об этих приглашениях:

Мне нечего, конечно, говорить, с каким чувством я встретил предложение «Синего журнала» дать для него «легкий очерк» о мужике в виде одной фразы. Можно думать, что то же чувство сказалось и в других писателях, к которым обращалась редакция. Во всяком случае автографов она собрала немного, но кое от кого она их всё-таки получила. В числе давших мы находим таких знаменитых современников, как известный мастер финляндских дел Дейтрих, бывший министр Тимирязев, лидер националистов Балашов, член Думы Гулькин... И тут же рядом помещены автографы писателей: Вас. Немирович-Данченко, Евгения Чирикова, Тэффи, Аркадия Аверченко, Ивана Рукавишникова, И. Ясинского, А. Измайлова...

Конечно, каждый свое написал... По мнению г. Дейтриха, 18 февраля 1762 г., когда была издана грамота о вольности дворян, и 19 февраля 1861 г., когда был подписан манифест об освобождении крестьян, «одинаково памяты русскому народу»: «обоими этими великими актами русские самодержцы даровали своему народу свободу». Г. Балашов находит, однако, что 19 февраля 1861 г. крестьянство было освобождено лишь на половину: «дай Бог, — пишет он, — чтобы указ 9 ноября 1906 г. в скором времени дополнил недостающую часть». А г. Ясинский сомневается, расцветет ли свобода даже после того, как пройдет еще пятьдесят лет... Впрочем, г. Измайлов утверждает, что она расцветет непременно.

Г. Чириков убежден, что от крепостного права ничего не осталось: «было и бывшем поросло»... А член Думы г. Дмитриев полагает,

²⁹ Девятнадцатое февраля. Из альбома автографов «Синего журнала» // Синий журнал. 1911. № 9, 19 февраля. С. 4–5.

что «зло, посеянное им в социальной и экономической жизни нашей родины, приносит свои плоды и по сей день»³⁰.

Намеренно или произвольно, но Пешехонов сократил высказывание Чирикова так, что это сокращение принципиально изменило высказывание. (Впрочем, Пешехонов был хорошим писателем и обычно произвольных ошибок не допускал, так что это сокращение было сделано, скорее всего намеренно.) Чириков написал:

Было и быльем поросло. Будем думать о новом рабстве, в котором мы пребываем, без различия сословия, пола и возраста!..³¹

Если прочитать то, что процитировал Пешехонов, получается, что для Чирикова все социальные недостатки ушли в прошлое, а сейчас всё благополучно. Между тем Чириков призывает говорить не о прошлом пятидесятилетней давности, а о современных проблемах. И в таком случае его выступление, пускай и в «Синем журнале», приобретает совершенно иной смысл.

В той же статье Пешехонов иронически упомянул и речь Чирикова на банкете 19 февраля 1911 г. в память 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости:

Были и писатели, из числа тех, конечно, которые имеют пристрастие к улице: Ясинский, например, Куприн, Градовский, Проппер... Г. Чириков даже речь на банкете сказал, но ведь он и для «Синего журнала» автограф дал...³²

Мы не знаем этой речи Чирикова на банкете, но если учитывать то, что он одновременно опубликовал в «Синем журнале», то вправе рассматривать эту заметку как конспект речи на банкете, и тогда она также приобретает иной смысл.

Если верить письму Чирикова к В.В. Муйжелю от 2 мая 1911 г., то он статью Пешехонова (во всяком случае к этому времени) не читал, однако о выпаде против себя знает. Вместе с тем энергия его выражений свидетельствует скорее всего о том, что и статью эту он прочитал, и затронула она его в немалой степени, но сознаваться в этом он не только близкому другу Муйжелю, но и самому себе не хотел:

³⁰ Пешехонов А. На очередные темы. Волна пошлости // РБ. 1911. № 3. Отд. 2. С. 87.

³¹ Девятнадцатое февраля. Из альбома автографов «Синего журнала». С. 5.

³² Пешехонов А. На очередные темы. Волна пошлости. С. 87.

Статьи Пешехонова в «Рус<ском> бог<атстве>» так и не прочитал еще: до того она меня мало затрагивает. Сидят две престарелых девы — Мякотин и Пешехонов — и, скрестив на животике руки, говорят:

— А мы... невинны!.. Целомудренны!..

И во имя своего целомудрия не брезгают поведение других заподозревать. Вопрос об участии в банкете печати я считаю чисто *тактическим* и поэтому открыто заявил о том девственницам в Юридическом обществе. На основании тактич<еских> разногласий нечестно бросать грязью. Важно, что человек *сказал на банкете*, а не то, что он участвовал и не участвовал. В уличной демонстрации не все целомудренные слушают речи, читают плакаты и т. д.... Ну, да это плевое дело³³.

Раньше Чириков бросился бы писать опровержения и оправдания. Теперь эти несправедливые обвинения он называет «плевым делом» и отталчивается. Раньше он сам исходил из теоретичности в ущерб оригинальности. Теперь ситуация вывернулась наизнанку. Теперь Пешехонов исходит из справедливой теоретической посылки о недопустимости сотрудничества в «желтой» прессе, куда он относил и «Синий журнал»:

«Синий журнал» я взял для примера. Подобных изданий — вообще-то их принято называть «желтыми» — имеется теперь много. В этой части литература представляет совершенно открытый базар, где торгуют всяким товаром, на какой только есть спрос. И не родился еще пророк, который, взяв бич, разогнал бы этих торговцев, делающихся всё более и более назойливыми. В последние же годы от них прямо нет прохода³⁴.

Но за этой общесправедливой теоретичностью не стояло оригинальности, того индивидуализирующего взгляда, о котором Чирикову в самом начале его творческого пути писал Короленко. И Чириков теперь понимает это: «Важно, что человек *сказал на банкете*, а не то, что он участвовал и не участвовал. В уличной демонстрации не все целомудренные слушают речи, читают плакаты и т. д.» И в таком случае позиция Чирикова выглядит более взвешенной и адекватной, чем позиция Пешехонова. Несомненно, сам факт участия в банкете тоже важен, но о позиции участника следует судить всё же по тому,

³³ РНБ. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 7.

³⁴ Пешехонов А. На очередные темы. Волна пошлости. С. 88.

что он сказал на банкете. Участвуя в общественно-политических акциях 1911 г., Чириков проявил скорее «оригинальность», в то время как оценка этого участия авторами «Русского богатства» страдала «теоретичностью», которую Чириков очень остро критиковал в своих частных письмах. Так что «теоретичность» и «оригинальность» — это не заданные, а переменные свойства литератора.

И Чириков, видимо, напряженно думал об этом. Во всяком случае через много лет в предисловии к роману «Зверь из бездны» он писал:

Занося в свою художественную летопись правдивую историю о том, как люди жили, ненавидели и любили в наши страшные годы, я не выхожу из рамок свидетеля о настоящем. Всё, что здесь описано, я либо видел, либо сам пережил. Роман мой — сама жизнь. В нем мало выдумки и сочинительства. Жизнь превзошла искусство и оставила далеко позади нашу авторскую изобретательность. Ни придумывать, ни сочинять нам, современным авторам, уже нечего: жизнь сама стала величайшим автором, преступившим все установленные нами законы и формы литературного творчества. Естественно поэтому, что и роман мой носит отпечаток того хаоса обломков, вещественных и невещественных, среди которого мы живем и действуем... [1, с. 8–9]

Отношения Чирикова с «Русским богатством» — важный материал для понимания характера границы между «классическим» искусством и массовой культурой. То, что двадцать-тридцать лет назад казалось категорически недопустимым в искусстве и подлежащим искоренению, оказывается по истечении времени нормальным, нейтральным и «никаким». Тот, кто стремится стать на пути этого процесса, законсервировать прошлое, делает ошибку в большой исторической перспективе. Но тот, кто идет в ногу со временем и не боится новаций, может совершить и (вследствие неизведанности пути) неизбежно совершает массу ошибок, которые сказываются на его репутации среди современников.

Авторы искренне благодарят М.В. Михайлову за консультации по этой теме.

Литература

1. *Бушканец Еф. В.Г.* Короленко в борьбе с реакцией 80-х годов (Из истории сотрудничества Короленко в «Волжском вестнике») // Литературный Татарстан: Альманах Союза советских писателей ТАССР. Казань: Татгосиздат, 1953. Кн. VI. С. 210–237.

2. *Геворкян А.В., Строганов М.В.* Неизвестные тексты В.Г. Короленко 1904 г. о патриотизме и национализме // Шаги / Steps. 2023. № 9 (3). С. 288–308. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-288-308>
3. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 3. 499 с.
4. *Короленко В.Г.* Избранные письма: в 3 т. / под ред. и с примеч. Н.В. Короленко и А.Л. Кривинской. М.: Мир; Гослитиздат, 1936. Т. 3. 423 с.
5. Литературный сборник «Волжского вестника». Казань: [Изд. редакции «Волжского вестника»], 1885. Т. 1, вып. 2: 1884–1885. 256 с.
6. *Михайлова М.В.* Еврейская тема в творчестве Е.Н. Чирикова и «Чириковский инцидент» // Михайлова М.В., Назарова А.В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2018. С. 85–119.
7. *Михайлова М.В., Назарова А.В.* От авторов // Михайлова М.В., Назарова А.В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2018. С. 4.
8. *Михайлова М.В., Назарова А.В.* Россия как отчий дом // Михайлова М.В., Назарова А.В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2018. С. 5–34.
9. Описание писем В.Г. Короленко / сост. В.М. Федорова. М.: ГБЛ, 1961. 659 с.
10. Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: XXI век — Согласие, 2000. Кн. 1. С. 440–448.
11. *Телешов Н.Д.* Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М.: Московский рабочий, 1958. 403 с.
12. Федор Иванович Шаляпин: сборник: в 2 т. Литературное наследство: Страницы из моей жизни; Маска и душа; Статьи / ред.-сост. и автор комм. Е.А. Грошева. М.: Искусство, 1960. Т. 1. 767 с.
13. *Чириков Е.Н.* На путях жизни и творчества. Орывки из воспоминаний / вступ. ст., публ. и примеч. А.В. Бобыря // Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1993. С. 281–416.
14. *Чириков Е.* Зверь из бездны: Поэма страшных лет. Прага: Пламя, 1926. Ч. 1. 212 с.

Research Article

On “Theoreticity” and “Originality.” Evgeny Chirikov and the Journal *Russian Wealth*

© 2025. Armen V. Gevorkyan, Mikhail V. Stroganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: Literary facts include not only the literary texts of the writer but also his everyday behavior. The relationship between E.N. Chirikov and the journal

Russian Wealth (*Russkoe Bogatstvo*), in which he began his literary career, clearly demonstrates it. During his writing apprenticeship, Chirikov respectfully asked V.G. Korolenko to share his ideas about the relationship between “theoreticality” and “originality” in literary work, and in 1894–1896 he became a regular contributor to the journal. After Chirikov switched to “Marxist” publications, critics of *Russian Wealth* (A.I. Potapov, N.K. Mikhailovsky, A.G. Gornfeld, A.M. Redko, and others) constantly emphasized the “theoretical nature” of his works to the detriment of their “originality.” Chirikov’s social and everyday behavior was based on vanity, which manifested itself in a conflict with *Russian Wealth* over his debt to the journal and in the “notorious Chirikov incident” regarding the Jewish question: the play of vanity prevented him from taking a balanced position. The desire for self-promotion was characteristic of M. Gorky’s entire circle in 1903–1909: the publication of group photographs of the members of the “Sreda” circle and caricatures of them demonstrates it. However, by participating in the socio-political actions of 1911 in connection with the 50th anniversary of the abolition of serfdom (response to the questionnaire in the Blue Journal, no. 9; speech at the banquet on February 19, 1911), Chirikov showed rather “originality,” while the assessment of this participation by the authors of *Russian Wealth* (V.A. Myakotin, A.V. Peshekhonov) suffered from “theoreticality,” which Chirikov very sharply criticized in his private letters. Thus, “theoreticality” and “originality” are not given, but variable qualities of a writer.

Keywords: E.N. Chirikov, *Russian Wealth*, nationalism, Jewish question.

Information about the authors: Armen V. Gevorkyan, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2658-4580>

E-mail: armenvar@mail.ru

Mikhail V. Stroganov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

E-mail: mvstroganov@gmail.com

For citation: Gevorkyan, A.V., Stroganov, M.V. “On ‘Theoreticality’ and ‘Originality.’” Evgeny Chirikov and the Journal *Russian Wealth*.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 326–357. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-326-357>

References

1. Bushkanets, Ef. “V.G. Korolenko v bor’be s reaksiei 80-kh godov (Iz istorii sotrudnichestva Korolenko v ‘Volzhskom vestnike’)” [“Korolenko in the Fight Against the Reaction of the 1980s (From the History of Korolenko’s Collaboration in the ‘Volzhsky Vestnik’)”]. *Literaturnyi Tatarstan: Al'manakh Soiuza sovetskikh pisatelei TASSR* [Literary Tatarstan: Almanac of the Soviet Writers' Union of the TASSR], vol. 6. Kazan, Tatgosizdat Publ., 1953, pp. 210–237. (In Russ.)
2. Gevorkian, A.V., and M.V. Stroganov. “Neizvestnye teksty V.G. Korolenko 1904 g. o patriotizme i natsionalizme” [“Unknown Texts by V.G. Korolenko (1904) About Patriotism and Nationalism”]. *Shagi / Steps*, no. 9 (3), 2023, pp. 288–308. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-288-308> (In Russ.)

3. Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vols.], vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1997. 499 p. (In Russ.)
4. Korolenko, V.G. *Izbrannye pis'ma: v 3 t.* [Selected Letters: in 3 vols.], vol. 3, ed. and notes by N.V. Korolenko and A.L. Krivinskaia. Moscow, Mir Publ., Goslitizdat Publ., 1936. 423 p. (In Russ.)
5. *Literaturnyi sbornik "Volzhskogo vestnika"* [Literary Collection of the "Volzhsky Vestnik"], vol. 1, issue 2: 1884–1885 [1884–1885]. Kazan, [Izдание redaktsii "Volzhskogo vestnika" Publ.], 1885. 256 p. (In Russ.)
6. Mikhailova, M.V. "Evreiskaia tema v tvorchestve E.N. Chirikova i 'Chirikovskii intsident'." ["The Jewish Theme in E.N. Chirikov's Works and the 'Chirikov Incident'."] Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. *Zapechatlennaia Rossiia. Stat'i o tvorchestve Evgeniia Nikolaevicha Chirikova* [Russia Imprinted. Articles on the Works of E.N. Chirikov]. Raleigh, North Carolina, USA, Open Science Publ., 2018, pp. 85–119. (In Russ.)
7. Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. "Ot avtorov" ["From the Authors"]. Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. *Zapechatlennaia Rossiia. Stat'i o tvorchestve Evgeniia Nikolaevicha Chirikova* [Russia Imprinted. Articles on the Works of E.N. Chirikov]. Raleigh, North Carolina, USA, Open Science Publ., 2018, p. 4. (In Russ.)
8. Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. "Rossiia kak otchii dom" ["Russia as a Father's Home"]. Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. *Zapechatlennaia Rossiia. Stat'i o tvorchestve Evgeniia Nikolaevicha Chirikova* [Russia Imprinted. Articles on the Works of E.N. Chirikov]. Raleigh, North Carolina, USA, Open Science Publ., 2018, pp. 5–34. (In Russ.)
9. *Opisanie pisem V.G. Korolenko* [Description of V.G. Korolenko's Letters], comp. V.M. Fedorova. Moscow, Russian State Library Publ., 1961. 659 p. (In Russ.)
10. Vengerov, S.A., editor. *Russkaia literatura XX veka (1890–1910)* [Russian Literature of the 20th Century (1890–1910)], book 1. Moscow, XX vek — Soglasie Publ., 2000, pp. 440–448. (In Russ.)
11. Teleshov, N.D. *Zapiski pisatel'ia. Vospominaniia i rasskazy o proshlom* [Notes of a Writer. Memories and Stories About the Past]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1958. 403 p. (In Russ.)
12. *Fedor Ivanovich Shaliapin: sbornik: v 2 t. Literaturnoe nasledstvo: Stranitsy iz moei zhizni; Maska i dusha; Stat'i* [Fyodor Ivanovich Chaliapin: Collection: in 2 vols. Literary Heritage: Pages from My Life; Mask and Soul; Articles], vol. 1, ed.-comp. and comm. By E.A. Grosheva. Moscow, Iskustvo Publ., 1960. 767 p. (In Russ.)
13. Chirikov, E.N. "Na putiakh zhizni i tvorchestva. Otryvki iz vospominanii" ["On the Paths of Life and Creativity. Excerpts from Memoirs"], introd. article, publ. and notes by A.V. Bobyr'. *Litsa: Biograficheskii al'manakh. 3* [Faces: Biographical Almanac. 3]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum-Feniks Publ., 1993, pp. 281–416. (In Russ.)
14. Chirikov, E. *Zver' iz bezdny: Poema strashnykh let* [The Beast from the Abyss: Poem of Terrible Years], vol. 1. Praga, Plamia Publ., 1926. 212 p. (In Russ.)